

Введение

«Воистину, история — это благородная борьба против времени, попытка вырвать из его когтей плененные им и уже умершие годы, чтобы затем оживить их, вернуть в строй и вновь отправить в битву. Однако бьющиеся на этом ристалище славные ратоборцы, окруженные почестями и увенчанные лаврами, вырывают из этих когтей лишь останки самых славных и знаменитых, бальзамируя своими чернилами деяния принцев, властителей и иных знатных особ, выводя тончайшей иглой своего разума вечный узор славных свершений, сотканный из золотых и шелковых нитей. Человеку же, столь слабому, как я, негоже обращаться к подобным вопросам, стремясь достичь столь опасных высот, углубляясь в лабиринты игр политиков и вслушиваясь в трубный глас, раздающийся над полями сражений. Я хочу лишь поведать об интересных событиях, приключившихся с людьми малыми да незнатными, сохранив о них память для потомков, хочу оставить честный и достоверный рассказ, а точнее — послание. Послание, которое станет театром горестных трагедий и ужасов, полным сцен немыслимого злодейства, перемежающихся с благочестивыми деяниями и ангельской добротой, что противостоят дьявольским козням. И воистину, зная, что в наших краях властвует король католический, который есть само никогда не заходящее солнце, зная, что их озаряет свет никогда не убывающей луны, в чьих лучах сверкает благородный герой, временно правящий вместо него, и что на благороднейшем небе сияют вечные звезды блистательнейших сенаторов и блуждающие планеты почтеннейших магистратов, можно прийти лишь к одному выводу: причиной того, что мир превращается в ад, полнящийся делами темными, злодейством и жестокостями дерзких людишек, являются происки дьявола, ведь одной лишь злонамеренности человеческой недостаточно для

того, чтобы противостоять стольким героям со взором Аргуса и руками Бриарей¹, старающимся во имя всеобщего блага. Посему, описывая события, произошедшие во времена моей зеленой юности, большинство героев которых уже покинули этот мир, став данниками парок², я из уважения к ним остерегусь называть их родовые имена, равно как и места, в которых они жили, ограничившись лишь названиями территорий. И да не сочтет это критик несовершенством рассказа либо уродством моего скромного творения, ведь любой, кто сведущ в философии, поймет, что суть повествования от этого нисколько не пострадала, поскольку ни один человек не сможет отрицать очевидного факта, что имена являются чистой воды случайностью...

Однако, когда моя нетвердая рука допишет последнюю строку этой истории, завершив тем самым героический труд, найдется ли тот, кто захочет ее прочесть?»

Сомнение это, зародившееся в моей душе, когда я пытался разобрать слово, залитое чернилами, заставило меня прервать переписывание и всерьез задуматься о том, что мне надлежит сделать. «Ясно одно, — говорил я себе, листая рукопись, — нельзя превращать всю книгу в водоворот понятий и речевых фигур. Любой уважающий себя литератор XVII века, разумеется, прежде всего демонстрирует свое владение словом; однако затем его стиль становится более гладким и естественным. Да уж. Но как же это все заурядно! Как грубо! Как неграмотно! Бесчисленные ломбардские словечки, не к месту употребляемые фразы, грамматические ошибки, нескладность сложных предложений... Изящные испанизмы по поводу и без. Но, что

¹ Аргус — в древнегреческой мифологии многоглазый великан, полувивший прозвище Всевидящий. Бриарей («могучий») — прозвище сторукого великана Эгеона. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

² Парки — три богини судьбы в древнеримской мифологии, которые отмеряли срок жизни человека.

еще хуже, даже в самых ужасных либо печальных местах повествования ты все время пытаешься изумить читателя или заставить его задуматься, как делаешь это в предисловии; да, эти места тоже требуют риторики, однако риторики умеренной, тонкой и изысканной. Да еще и умудряешься сочетать несочетаемое, соединяя на одной странице, в одной фразе и даже в одном слове грубость и жеманство. Чего стоят одни высокопарные декламации, испещренные низкопробными солецизмами¹ и полные претенциозной аляповатости, столь типичной для произведений того века, написанных в наших краях. По правде говоря, негоже представлять подобное на суд сегодняшнего читателя: он слишком избалован, слишком отвык от столь причудливого стиля. Хорошо хоть, что эта здравая мысль пришла мне в голову в самом начале трудов над моим злосчастным детищем. Довольно! Я умываю руки».

Однако, закрывая тетрадь и собираясь ее отложить, я ощутил сожаление из-за того, что столь прекрасная история останется неизвестной; возможно, читатель посчитает иначе, однако мне она показалась воистину прекрасной. «Почему бы, — подумал я, — не взять факты из этой рукописи и не написать историю заново иным слогом?» Причин не поступить подобным образом не было, и вскоре я взялся за дело. Так и родилась эта книга, и история ее рождения столь же правдива, как и она сама.

Некоторые из фактов и обычаев, описанных нашим автором, показались нам столь странными и непривычными — или того хуже, — что мы, прежде чем поверить в них, обратились к иным свидетельствам. Нам пришлось погрузиться в воспоминания о тех временах, дабы убедиться, что тогдашняя жизнь действительно была такова. Все наши сомнения развеялись: на каждом шагу мы сталкивались с подобными, а то и более

¹ Солецизм — синтаксически неправильный оборот речи, не искажающий смысла высказывания.

поразительными случаями; что еще более важно, нам довелось наткнуться на имена людей, в существовании которых мы сомневались, поскольку прежде эти имена не встречались нам нигде, кроме страниц нашего манускрипта. При случае мы будем ссылаться на эти свидетельства, чтобы читатель поверил в нашу историю, какой бы странной она ему ни казалась.

Однако чем мы заменим слог нашего автора, отвергнув его как невыносимый? Весь вопрос в этом.

Любой, кто без спросу переписывает труд другого, должен внимательно следить за своим стилем. На нем лежит своего рода обязательство, от которого мы не посмеем уклониться. Более того, дабы выполнить это обязательство наилучшим образом, мы решили четко обосновать выбранный нами слог; с этой целью, работая над книгой, мы все время стремились предугадать возможную критику, чтобы заранее ее избежать. Именно в этом и заключалась сложность, ведь, будем честны сами с собой, на любое приходившее нам в голову критическое замечание у нас уже был готов триумфальный ответ из тех, что не предлагают решение вопроса, а лишь меняют его. Нередко мы даже сталкивали два критических замечания друг с другом; в других случаях после внимательного изучения нам удавалось продемонстрировать, что эти замечания, несмотря на свою кажущуюся разницу, являлись, по сути, одним и тем же, поскольку были рождены невнимательностью и несоблюдением принципов, на которых должны основываться трезвые суждения; сопоставив их, мы, к собственному изумлению, отвергали оба этих замечания. На свете вряд ли сыщется еще один автор, столь придирчиво оценивавший свой собственный труд. Но что бы вы думали? Собрав воедино все возражения и ответы на них, дабы привести их хоть в какой-то порядок, мы поняли, что из них получится еще одна книга. Смилюйтесь! От написания этой книги нам пришлось отказаться по причинам, которые читатель, несомненно, сочтет разумными: во-первых,

произведение, созданное с целью не просто оправдать другое, а оправдать выбранный в нем стиль, выглядело бы сушей лепицей; во-вторых, одной книги для одного раза достаточно — если ее вообще стоило писать.

Глава I

Рукав озера Комо, тянущийся к югу между двумя непрерывными горными хребтами и образующий множество бухточек и заливов, в одном месте неожиданно сужается, принимая вид реки, текущей между мысом справа и широким побережьем слева. Соединяющий эти два берега мост делает сие преобразование еще более заметным, знаменуя собой точку, в которой заканчивается озеро и начинается Адда, чтобы затем опять стать озером там, где берега вновь расходятся, образовывая новые заливы и новые бухточки. Побережье, образованное наносами трех мощных потоков, примыкает к двум смежным пикам, один из которых назван в честь святого Мартина, а второй именуется ломбардским словечком Резегоне, поскольку множество его вытянутых в ряд зубчатых вершин действительно напоминает своим видом пилу. Достаточно лишь взглянуть на него спереди — например, стоя на северной стене Милана, — и вы немедленно узнаете этот пик среди всех остальных гор длинного и обширного хребта, которые не могут похвастать ни столь необычным названием, ни столь приметной формой. Довольно долго побережье тянется вверх, образовывая пологие склоны, однако затем его начинают пересекать холмы и долины, кручи и плато — результат работы вод меж двух горных вершин. У самого края воды рассеченный устьями потоков берег практически повсеместно усыпан гравием и крупной галькой. Выше по нему тянутся поля и виноградники, среди которых то тут, то там виднеются деревушки, усадьбы, хутора, а кое-где — заходящие на склоны гор леса. Легко, главное

поселение этого края, в честь которого он и назван, расположено неподалеку от моста, на берегу озера, и оно в периоды половодий частично его затапливает. В наши дни это крупное местечко, обещающее вскорости стать полноценным городом. Во времена, о которых мы собираемся поведать, оно также было немаленьким, а возвышающийся над ним замок еще и имел честь служить резиденцией коменданта, благодаря чему в городке постоянно был расквартирован гарнизон испанских солдат, которые учили скромности местных девиц и женщин, задавая время от времени трепку чьему-нибудь мужу или отцу. В конце лета солдаты никогда не забывали отправиться на виноградники, чтобы обобрать их, облегчив тем самым труд крестьян.

От одной деревушки к другой, от холмов к берегу бежали и бегут до сих пор дороги и тропинки, крутые и не очень, а то и совсем ровные. Тот тут, то там они оказываются зажаты меж двумя скалами, где, подняв глаза, можно увидеть лишь клочок неба да их вершины, после чего вновь выходят на открытое пространство, откуда неизменно открывается прекрасный вид на окружающую местность; всякий раз такой пейзаж чем-то не похож на предыдущий, являя взору и скрывая от него все новые и новые картины. То одно, то другое, то бескрайняя и такая разная водная гладь; иногда край озера обступают горы, среди лабиринта которых оно порой и во все теряется, а затем вновь открывается взгляду среди других гор, отражая в своих водах их и стоящие на берегах деревушки. Речной рукав, озеро, вновь река, сверкающей змейкой скрывающаяся среди гор, которые, постепенно понижаясь, тоже исчезают на горизонте... Живописным является даже то место, откуда вы созерцаете этот пейзаж: гора, с которой вы спускаетесь, окружает вас своими вершинами и обрывами, каждый раз выглядящими по-новому и меняющимися почти на каждом шагу, то расступаясь, то смыкаясь в сплош-

ные горные кряжи и превращая склоны в вершины. Ласкающая взор гостеприимность этих склонов приятно смягчает дикость пейзажа, делая его еще более красивым.

По одной из этих дорог вечером 7 ноября 1628 года неспешно возвращался с прогулки дон Аббондио, служивший священником в одной из вышеупомянутых деревень. Ни ее название, ни фамилия самого персонажа в манускрипте нигде не указаны. Спокойно шепча молитвы и псалмы, священник время от времени закрывал требник, закладывая между страницами указательный палец правой руки, и, убрав ее за спину, продолжал свой путь, опустив взгляд и отбрасывая к ограде попадавшие под ноги камешки. Затем, поднимая глаза, дон Аббондио лениво оглядывался и устремлял взор на гору, чьи склоны то тут, то там заливал багряный свет уже закатившегося за противоположную гору солнца, чьи лучи прорывались сквозь ее расщелины. Вновь открыв требник и прочтя еще один отрывок, священник достиг поворота дороги, где он обычно отрывал взгляд от книги, чтобы посмотреть вперед. Вот и сегодня дон Аббондио поступил так же. Свернув, дорога шагов шестьдесят тянулась прямо, после чего разветвлялась на две тропинки, образуя подобие греческой буквы ипсилон. Правая тропинка поднималась в гору, ведя к дому священника; левая, уходя вниз, тянулась через долину к самой воде. В этом месте ограда не доходила прохожему даже до пояса. Разделявшие тропинки внутренние ограды, вместо того чтобы сомкнуться под углом, упирались в часовенку, на которой были изображены длинные, заостренные кверху змееподобные фигуры, которые, согласно замыслу художника и представлениям местных жителей, должны были означать пламя. Это пламя чередовалось с другими фигурами, чью форму нельзя было выразить словами и коим надлежало знаменовать собой души в чистилище. Пламя и души были цвета кирпича на темно-сером фоне, но краска, впрочем, уже начинала отслаиваться. Повернув и бросив по привычке взгляд

на часовню, священник увидел нечто, чего не ожидал и уж никак не хотел увидеть.

Двое мужчин расположились друг напротив друга в, если можно так выразиться, месте слияния двух тропинок: один из них сидел на низкой ограде, свесив ноги с двух сторон; его товарищ стоял, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди. Их одежда, манера держаться и выражения лиц — насколько их можно было разглядеть оттуда, где стоял священник, — не оставляли сомнений относительно того, кем являлись эти двое. На головах у обоих были зеленые сеточки, спадавшие на левое плечо и заканчивавшиеся большими кисточками, из-под которых выглядывали буйные чубы; их лица украшали длинные, лихо закрученные усы; оба носили пояса из блестящей кожи с висевшей на них парой пистолетов; на груди у каждого из незнакомцев подобно ожерельям красовались небольшие пороховницы; из карманов их широких штанов торчали рукоятки ножей; каждый был при начищенной до блеска широкой сабле с причудливого вида ажурным эфесом из латуни; словом, одного взгляда на этих двоих было достаточно, чтобы понять: они принадлежат к породе людей, которых принято называть «брави».

Эта порода, в наши дни исчезнувшая без следа, в те времена встречалась в Ломбардии очень часто, процветая там на протяжении многих лет. Для тех, кто не имеет о ней ни малейшего понятия, мы приведем несколько подлинных отрывков, которые позволят составить представление о том, что это были за люди, как их пытались изничтожить и какую живучесть они проявляли.

Восьмого апреля 1583 года сиятельнейший и превосходительнейший синьор дон Карло Арагонский, князь Каstellветрано, герцог Террановы, маркиз Аволы, граф Буржето, великий адмирал и великий коннетабль Сицилии, губернатор Милана и капитан-генерал его католического величества

в Италии, прознав о том, сколь невыносимой стала жизнь в городе Милане из-за брави и прочих бродяг, издал против них указ. Согласно этому указу, брави и бродягами объявлялись все пришлые и местные, кто не имел определенного занятия либо, имея его, предавался праздности, но, безвозмездно или даже за жалованье, состоял при знатной особе, должностном лице или купце, служа ему опорой и оказывая услуги, либо, что вероятнее, строя козни другим. Таким людям надлежало в шестидневный срок избавить указанную местность от своего присутствия. Не подчинившимся грозила каторга, а всем судебным чинам предоставлялись неограниченные полномочия для исполнения данного указа.

Однако 12 апреля следующего года упомянутому синьору стало известно, что названный город по-прежнему полон так называемых брави, живущих привычной жизнью, нисколько не изменивших своих нравов и ничуть не уменьшившихся в числе, и он издал другой, еще более суровый и ясный указ, согласно которому, в частности, любое лицо, как местное, так и пришлое, признанное двумя свидетелями за браво, пусть даже не совершившее никакого преступления, может быть отдано любым судьей на основании одной лишь своей репутации для допроса под пыткой и, даже не признавшись в преступлении, отправлено на трехлетнюю каторгу за одну лишь эту репутацию и именование браво. Целью всего этого, равно как и опущенных пассажей, было продемонстрировать серьезность намерений его превосходительства добиться повиновения от всякого.

Очень хотелось бы верить, что одних лишь слов подобного синьора, столь смелых, уверенных и сопровождаемых такими приказами, хватило для того, чтобы все брави исчезли раз и навсегда. Однако свидетельства другого синьора, не менее авторитетного и знатного, вынуждают нас поверить в обратное.

Синьор сей — сиятельнейший и превосходительнейший Хуан Фернандес де Веласко, коннетабль Кастилии, старший

камергер его величества, герцог Фриасский, граф Аро и Капельново, синьор дома Веласко и дома Семерых инфантов Лары, губернатор государства Миланского и прочая. Пятого июня 1593 года, также прознав о том, какой ущерб причиняют брави с прочими бродягами и какое разорение сеют, нанося огромный вред общественному благосостоянию, и разочаровавшись в правосудии, его превосходительство издал новый указ, согласно которому подобным людям надлежало в шестидневный срок покинуть территорию государства; тем самым он повторил предписания и угрозы своего предшественника. Двадцать третьего мая 1598 года с немалой болью в сердце синьор Фернандес де Веласко узнал, что личности сии (брави и прочие бродяги) расплодились в граде и государстве пуще прежнего, учиня засады, причиняя ранения, совершая смертоубийства, грабя, бесчинствуя всеми прочими способами и избегая за это ответственности благодаря помощи своих главарей и пособников, и вновь предписал те же средства, увеличив дозу, как поступают при борьбе с особо упорной хворью. Теперь каждый, осмелившийся нарушить любой пункт указа, рисковал лишиться милости его превосходительства, ощутив на себе его строгость и гнев, ведь его превосходительство со всей решимостью заявлял, что сие предупреждение является последним и окончательным.

Однако сиятельнейший и превосходительнейший синьор дон Пьетро Энрикес де Асеведо, граф Фуэнтес, капитан и губернатор государства Миланского, этого мнения не разделял, и у него были на то серьезные причины. Прознав о невыносимой жизни, которой жили град и государство по вине огромного числа брави, его превосходительство принял решение полностью искоренить сей зловредный сорняк и 5 декабря 1600 года издал новый указ, который также сулил суровые кары, которые должны были исполняться по всей строгости и без проявления какого бы то ни было снисхождения.

Впрочем, есть основания полагать, что борьба с брави интересовала синьора Энрикеса в гораздо меньшей мере, чем плетение интриг и науськивание врагов на своего великого недруга Генриха IV. История свидетельствует, что ему удалось вооружить против сего короля герцога Савойского, который в результате этого утратил несколько городов, равно как и сговориться с герцогом Бироном, которому это стоило головы.

Что же касается вредоносных брави, то на 22 сентября 1612 года они явно продолжали процветать. В этот день сиятельнейший и превосходительнейший синьор дон Джованни де Мендоса, маркиз де ла Инохоса, кавалер и прочая, губернатор и прочая, всерьез вознамерился их искоренить. С этой целью он приказал королевским придворным печатникам, Пандольфо и Марко Туллио Малатести, издать указ о полном уничтожении брави. Однако тем вновь удалось выжить, и 24 декабря 1618 года на них обрушились такие же и еще более сильные удары со стороны сиятельнейшего и превосходительнейшего синьора дона Гомеса Суареса де Фигероа, герцога Ферийского и прочая, губернатора и прочая. Но даже это не ознаменовало их конец, так что сиятельнейший и превосходительнейший синьор Гонсало Фернандес до Кордова, в чье правление и случилась прогулка дона Аббондио, был вынужден подновить и вновь обнародовать привычный указ, направленный против брави; произошло сие 5 октября 1627 года, то есть за год, месяц и два дня до этого памятного события.

Но и этот указ не был последним; однако мы полагаем, что о последующих упоминать смысла не имеет, поскольку они были изданы уже после того периода, в который разворачивается наша история. Назовем лишь указ от 13 февраля 1632 года превосходительнейшего синьора герцога Ферийского, во второй раз ставшего губернатором, на основании которого можно сделать вывод, что те, кто называли себя брави, продолжали творить возмутительные злодеяния. Одно этого

достаточно для того, чтобы понять: во времена, о которых мы хотим поведать, брави были повсюду.

То, что упомянутые двое кого-то поджидали, не вызывало сомнений; однако еще неприятнее дону Аббондио было осознавать, что этим человеком был он сам, ведь стоило ему появиться, как незнакомцы переглянулись и подняли головы с видом людей, дождавшихся того, кого караулили. Тот, что сидел на ограде, перекинул ногу и спрыгнул на тропинку; другой, отделившись от стены, вместе с ним двинулся навстречу священнику. Дон Аббондио, притворяясь, что читает требник, осторожно следил за их движениями. При виде того, что незнакомцы идут прямо к нему, в разум священника ворвалась тысяча мыслей разом. Он задался вопросом, нет ли справа или слева какой-нибудь боковой дорожки, по которой можно было бы скрыться от брави, сразу, впрочем, поняв, что ее нет. Затем дон Аббондио попытался вспомнить, не разозлил ли кого-нибудь могущественного и мстительного; однако даже в столь тревожных обстоятельствах мысль о том, что его совесть чиста, успокоила священника.

И все же брави продолжали приближаться к нему, не отрывая от него взглядов. Дон Аббондио запустил указательный и средний пальцы левой руки за воротник так, словно хотел его поправить, и, проведя ими вдоль шеи, повернул голову, скривив губы и глядя уголком глаза, не идет ли сзади кто-нибудь еще. Однако никого не было. Священник покосился на раскинувшееся за оградой поле. Никого. Он украдкой посмотрел на тропинку впереди. Лишь брави. Что же делать? Поворачивать назад было уже поздно. Пуститься в бегство означало бы сказать «догоните меня», а то и еще что похуже. Потому, не имея возможности избежать опасности, дон Аббондио ринулся ей навстречу, поскольку состояние неизвестности было для него столь мучительным, что он решил как можно скорее положить ему конец. Уско-